ПОѢЗДКА
НА БѢЛОЕ МОРЕ.

=

Въ сумерки пріѣхали мы въ Архангельскъ. Это было въ началѣ марта, но зимняя вьюга заносила еще городскія улицы. Товарищъ мой уговорилъ меня пристать къ знакомому купцу, и черезъ нѣсколько минуть мы очутились въ небольшой чистой комнаткѣ, передъ пылающимъ каминомъ. Хозяина не было дома: онъ ѣздилъ въ то время въ Холмогоры.

На другой день пошли мы осматривать достопамятности города, которыхъ, кажется, вовсе нѣтъ. Улицы, вымощенныя досками, застроены деревянными домами, между которыми изрѣдка возвышаются каменныя церкви; каменныхъ домовъ чрезвычайно мало.

Извѣстно, что Англичане приплыли въ Бѣлое Море и въ устье Двины въ 1553 году. Вскорѣ усилилась на сѣверѣ торговля съ иностранцами, и заставила Русскихъ думать о лучшей пристани для пріѣзжихъ кораблей. Для-этого, въ 1584 году, былъ основанъ здѣсь небольшой городъ, на правомъ берегу Двины, близъ Архангельскаго Монастыря. Въ 1637 году пожаръ истребилъ большую часть городскаго строенія и разрушилъ весь монастырь, построенный впослѣдствіи въ верстѣ отъ прежняго: теперь онъ стоитъ у самаго предмѣстья Архангельска. Еще два пожара, 1664 и 1667 годовъ, превратили въ пепелъ множество новыхъ зданій; въ 1684 былъ построенъ гостиный

дворъ. Въ 1832 на площади передъ соборомъ воздвигнутъ бронзовый памятникъ Ломоносову.

Мы бродили по улицамъ. Русская зима, расписавшая узорами окна, не позволяла намъ заглядывать во внутренность домовъ, какъ обыкновенно водится у путешественниковъ.

Въ полдень, широкія пошивни, запряженныя бойкой тройкой, вынесли насъ за городъ, и мы помчались вдоль берега Березовскаго устья. Дорога эта была пустынна, и, утомленный снѣжными равнинами, взоръ не находилъ предмета, на которомъ бы могъ остановиться. Насъ развлекали унылый звонъ колокольчика и пѣсня ямщика. Вокругъ насъ свистала и крутилась сѣверная вьюга; кони взвивали копнами глубокій снѣгъ, который запосилъ насъ пылью инея. Проѣхавъ двадцать верстъ, мы увидѣли земляные валы съ различными укрѣпленіями: это Крѣпость Новодвинская, которая стоитъ на Двинскомъ островѣ, противъ самаго устья Малой Двинки. Она заложена въ 1700 году, по повелѣнію Петра Великаго, для защиты Архангельска съ моря, и въ 1701 году въ самомъ дѣлѣ спасла его отъ очевидной опасности. Это случилось 24 іюня. На Березовскомъ устьѣ появились четыре военныхъ судна, — два фрегата и яхта подъ Англійскимъ и Голландскимъ флагами. Это были Шведы. Вечеромъ они бросили якорь близъ Модіожскаго Острова, лежащаго у сѣверо-восточнаго берега Бѣлаго Моря, въ пяти верстахъ отъ устья Двины. На другой день утромъ, капитанъ Модіожской заставы, полагая, что эти суда купеческія, отправился осматривать ихъ съ прапорщикомъ, писаремъ, шестнадцатью рядовыми, барабанщикомъ и съ двумя переводчиками. Но едва вошли они на корабль, какъ ихъ принудили сдаться плѣнными. Тутъ показались и солдаты. Допросивъ плѣнныхъ о состо-

яніи крѣпости и о пути по Двинѣ до Архангельска, ихъ заключили ихъ въ особыя каюты. За четыре часа до ночи непріятель отрядилъ въ Двину фрегатъ и яхту съ отборнымъ войскомъ, имѣя при себѣ проводниками монастырскаго служку, Ивана Рябова, взятаго съ острова Сосновца, и переводчика Дмитрія Борисова изъ Модіожскихъ плѣнныхъ. Не далеко отъ Новодвинской Крѣпости они встрѣчены были карбасомъ, который плылъ также для осмотра; на немъ находились солдатской глава, тридцать солдатъ и четыре работника. Судно причалило къ фрегату; досмотрщики еще не взошли на него, и уже были встрѣчены съ чрезвычайнымъ притворствомъ; но обманъ вскорѣ открылся: одинъ солдатъ заглянулъ въ бойницу: тамъ виднѣлись вооруженные люди. Онъ увѣдомилъ о томъ своего начальника. Карбасъ тотчасъ отчалилъ, но какъ онъ не могъ быстро удалиться, то матросы погрузили его на бокъ и защитились возвышеннымъ бортомъ. Фрегатъ открылъ по нимъ огонь. Пушечная и ружейная пальба вѣроятно въ первый разъ загремѣла по Двинѣ, и эхо встревожило мирныя окрестности. Все исчезло въ густомъ дымѣ. Черезъ нѣсколько минутъ изъ клубовъ его выплылъ израненный карбасъ; онъ сталъ на мель; купа людей бросилась на берегъ и скрылась въ лѣсу. Изъ нихъ убили пятерыхъ, и шестерыхъ ранили; на фрегатѣ былъ убитъ начальникъ. Между-тѣмъ проводники Рябовъ и Борисовъ, въ отмщеніе непріятелю, посадили фрегатъ и яхту на мель противъ самой крѣпости. Это счастливо удалось имъ при содѣйствіи прилива; однако фрегатъ, слѣдовавшій за ними, остался на вольной водѣ. За эту вѣрность отечеству благородный Рябовъ былъ застрѣленъ; Борисовъ, тяжело раненный, остался въ живыхъ и, притворясь мертвымъ, лежалъ за убитымъ товарищемъ. Ихъ бросили въ воду. Крѣпость загрохотала выстрѣлами, и завязался жестокій бой

съ фрегатами, который не умолкалъ въ продолженіе всей ночи. Непріятель потерпѣлъ большой уронъ; но въ крѣпости убили только одного, потому что Рябовъ, собравъ послѣднія силы, доплылъ до берега и извѣстилъ, что плывутъ непріятельскія суда и что они остановились на мели. Фрегатъ, стоявшій на вольной водѣ, былъ значительно поврежденъ и потерялъ руль. Когда утомленные непріятели перебрались на него въ шлюпкахъ съ разбитыхъ фрегата и яхты, солдаты, высланные изъ крѣпости, заняли эти два судна. Они нашли на нихъ бочку пороху и, торопливо заряжая ружья, разсыпали его по палубѣ. Въ это мгновеніе одинъ пушкарь, заряжая пушку, которая уже была прежде заряжена непріятелемъ, по незнанію вкатилъ въ нее чиненное ядро, направилъ орудіе на удаляющійся фрегатъ и запалилъ. Двойной зарядъ грянулъ. Весь фрегатъ обдало дымомъ, засверкали искры, разсыпанный порохъ загорѣлся, и съ трескомъ оторвало у фрегата корму. Отъ ядра брызнули роковые осколки на побѣдителей. При этомъ несчастномъ случаѣ погибло семь человѣкъ и десятеро были ранены. Между-тѣмъ другой фрегатъ поспѣшно уходилъ; непріятели, чтобы скорѣе быть внѣ выстрѣловъ, скрывшись за кормой, тащили его шлюпками. На Двинскомъ берегу нашли они оставленный когъ, — промышленное судно въ родѣ ладьи, — привязали его къ фрегату, который начиналъ уже тонуть, взяли съ этого судна руль, и такъ вышли на взморье къ кораблямъ своимъ. По дальнѣйшимъ берегамъ причинили они большое опустошеніе, но тѣмъ и кончилось неудачное покушеніе ихъ на городъ.

Новодвинская Крѣпость теперь укрѣплена очень хорошо и составляетъ для Архангельска почти то же, что Кронштатъ для Петербурга. Въ ней живетъ комендантъ съ порядочнымъ гарнизономъ.

Отсюда отправились мы черезъ многія устья Двины на Никольское, на берегу котораго, въ ста тридцати четырехъ верстахъ отъ Архангельска, стоитъ Никольскій Монастырь, называемый Карельскимъ. Церковь въ немъ каменная, а прочія зданія всѣ деревянныя. Этотъ монастырь чрезвычайно важенъ въ исторіи Архангелгородской торговли. Когда Англичане въ 1553 году пріѣхали сюда, при немъ была пристань, куда приходили суда изъ всѣхъ городовъ Россіи, имѣющихъ сообщеніе съ Двиною, и суда иностранныя; это продолжалось до заложенія Архангельска.

Къ вечеру возвратились мы въ городъ. Поѣздка наша на Соловецкій Островъ отложена была до весны, потому что въ это время года Бѣлое Море представляетъ болѣе разнообразія. Зимой тамъ все мертво и дико; вездѣ ледъ и снѣгъ ослѣпительной бѣлизны; не видно ни какого слѣда жизни; только дикій звѣрь пугливо пробирается между льдинами, раскидывая по вѣтру уши и прислушиваясь къ отдаленному карканью воронов, единственныхъ жителей этой пустыни; но и онѣ скоро оставляютъ ее, и улетаютъ густыми стаями. Это страшное однообразіе повергаетъ васъ въ неизъяснимую грусть, тоску, уныніе; вамъ кажется, что уже никогда не увидите тѣхъ блаженныхъ *южныхъ* странъ, — Вологды и Петербурга, — которыя такъ живо рисуются въ воображеніи.

На другой день, на лихой Архангельской тройкѣ отправились мы прогуляться по правому берегу Двины. Дорога проложена въ отдаленіи отъ рѣки. Мы миновали нѣсколько небольшихъ деревень и монастырь Новоприлуцкій. Въ тридцати восьми верстахъ отъ Архангельска дорога проходитъ черезъ Двину и продолжается по лѣвому берегу. Еще тридцать три версты, и мы въ Холмогорахъ. Городъ этотъ,

знаменитый по своей древности, расположенъ на берегу рукава Двины, называемаго Быстрокурьемъ. Здѣсь находились прославленное прорицалище и храмъ, куда такъ часто отправлялись Норманны изъ Скандинавіи. Ихъ знаменитый Holmgarda былъ безъсомнѣнія «Холмогоры», или правильнѣе «Холмогородъ», то есть, островской городъ. Holm значитъ — островъ; garda — городъ. Это показываетъ, что древніе, классическіе, Холмогоры находились на острову, лежащемъ противъ нынѣшнихъ Холмогоръ. Здѣсь обитала Чудь еще до принятія Христіанской вѣры въ 988 году, и этотъ народъ производилъ торговлю звѣриными кожами съ Датчанами, которыхъ суда приходили въ Двину задолго до прибытія сюда Англичанъ. Тогда построенъ былъ второй городъ Холмогоры, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынче стоитъ слобода Нижній Посадъ и видны еще остатки рва. По основаніи Архангельска, изъ Холмогоръ переѣхала туда большая часть жителей; деревянныя стѣны съ башнями, окружавшія городъ, были истреблены пожаромъ отъ молніи, а остатки ихъ обрушились, исчезли, и на этомъ мѣстѣ лѣтомъ нынче проходитъ борона. Въ третій разъ городъ построенъ былъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ архіерейскій домъ, на возвышенности, которую тогда насыпали для безопасности отъ разлитія рѣки. Древнее могущество и знаменитость этого мѣста достались въ удѣлъ Архангельску, и теперь Холмогоры похожи болѣе на село, хотя считаются безуѣзднымъ городомъ. Все строеніе ветхо, и между нимъ возвышается подобно исполину каменный соборъ. Приходскихъ деревянныхъ церквей, кажется, неболѣе четырехъ. На обширномъ островѣ, отдѣленномъ отъ Холмогоръ рукавомъ Двины, который зовутъ Курьей Двиною, расположена Куръ-Островская Волость. Здѣсь-то вѣроятно находился Holmgarda, или Островской Городъ. Въ

одномъ изъ этихъ небогатыхъ жилищъ родился и провелъ юность рыболовъ Ломоносовъ. Даже имя его изгладилось изъ памяти жителей отчизны. Мы спрашивали у многихъ стариковъ о домикѣ, въ которомъ жилъ онъ, и никто не могъ дать намъ удовлетворительнаго отвѣта.

Ночевали мы въ Говрогорской Волости. Съ разсвѣтомъ хотѣли пуститься къ деревни Взвозу, для осмотрѣнія находящейся тамъ пещеры; но намъ разсказали здѣсь объ ней въ подробности, и мы увидѣли, что ничего нѣтъ любопытнаго. Мы рѣшились возвратиться въ Архангельскъ.

Пещера эта находится въ верстѣ на югъ отъ деревни Взвоза, на лѣвомъ берегу Двины. Она представляетъ обширную галлерею, раздѣленную сводами на пять отверзтій. Изъ нихъ ведутъ другіе ходы во внутренности горъ; но они большею частію засыпаны пескомъ, наметаннымъ весеннимъ наводненіями, и снѣгомъ во время выогъ. Съ потолка нависли каменныя массы, готовыя обрушиться; полъ песчаный и бугристый. Но пещера эта вѣроятно играла важную роль у Скандинавовъ и здѣшней Чуди. Здѣсь, можетъ-быть, находилось прорицалище, – сѣверные Дельфы.

Весь апрѣль провели мы въ Архангельскѣ довольно весело. Я, товарищъ мой и трое добрыхъ знакомцевъ, почти всякой вечеръ собирались вмѣстѣ и сокращали время картами или разсказами. Отставной, раненый въ правую руку, капитанъ особенно забавлялъ насъ военными анекдотами.

Третьяго мая пріѣзжіе съ верховья Двины купцы объявили, что уже въ тѣхъ мѣстахъ ледъ начинаетъ ломаться. Жители толпами высыпали на берега, ожидая радостнаго вскрытія Двины, послѣ продолжительной, скучной зимы, которая усыпляетъ ихъ

торговую дѣятельность. Витая вереница чаекъ бѣлѣлась въ вышинѣ, подъ тонкими сѣрыми тучами, которыя уже въ продолженіе мѣсяца одѣвали небо. Народъ тщательно наблюдалъ за полетомъ этихъ морскихъ птицъ, и хотя онѣ казались наконецъ точками, однако многіе замѣтили, что онѣ направляются къ вершинамъ рѣки: суевѣріе заставляло думать, что въ этотъ годъ вскрытіе причинитъ большое наводненіе.

На другой день, не далеко отъ Архангельска, на Двинѣ выплыла изъ тумановъ бѣлая полоса: это были ломающіяся льдины. Она безпрестанно подвигалась; вдругъ, отъ сильнаго натиска, двинулась вся масса льду, оковывавшаго Двину. Съ шумомъ ломалась она; льдина набѣгала на льдину, и края льднъ шипѣли, разсыпаясь острыми, блестящими кристаллами; все быстро неслись ко взморью. Но, въ устьяхъ, льдины садились на мели; на нихъ набѣгали другія, и, внезапно остановленныя на лету, разбивались въ дребезги, отпрядали назадъ, встрѣчались съ другими, и бросались снова на вершину ледяныхъ холмовъ, которые заперли проходъ въ море. Съ шумомъ катились на нихъ новыя массы по хребтамъ валовъ, которые при каждомъ столкновеніи ревѣли, пѣнились и подымались всё выше и выше.

Вотъ нанеслась огромная льдина: она ринулась, покачнула всю ледяную преграду, и валы Двинскіе, крутясь, хлынули на берега и охватили низменныя части Архангельска. Предсказаніе жителей исполнилось! Суевѣріе торжествовало, поощренное весьма обыкновеннымъ случаемъ. Между-тѣмъ ледяной холмъ безпрестанно увеличивался; подобно утесамъ возвышались на немъ крутыя льдины; вода поднималась. Снова прикатилась огромная масса: валы, двинутые ею, стремительно перекатились черезъ холмъ, и съ гуломъ, съ быстриною водопада, слетѣли съ него,

и съ клубами пѣны понеслись на взморье. Льдина ударилась, наперла, хотѣла перескочить, но мгновенно двинула всю стѣну; волны съ яростью прорвались сквозь нее; засверкали осколки льду, разсыпались брызгами, запрыгали, и съ шипѣніемъ вся масса помчалась въ море. Двинскія воды отхлынули съ береговъ, и буйно покатились вслѣдъ за нею. Ледъ свободно поплылъ. Только изрѣдка огрызались льдины съ оставшимися на мели обломками и увлекали ихъ съ собою.

Въ теченіе недѣли Двина почти совершенно очистилась, и появились плоты и барки, пригнанные изъ разныхъ городовъ.

Солнечные лучи проницали воздухъ; снѣгъ таялъ; въ рѣку лились шумные потоки. Берега оживлялись, на мачтахъ баркасовъ завѣяли флаги; исчезли выюги, и вѣтерокъ вѣялъ весенней прохладой.

Черезъ нѣсколько дней мы сѣли на небольшой баркѣ и поплыли въ Бѣлое Морс. Въ Двинскихъ устьяхъ, усѣянныхъ островами, гнѣздились стаи пролетныхъ птицъ. Въ протокахъ бѣлѣлись лебеди, будто то пѣнистыя волны, и вились чайки. Мы настрѣляли множество дикихъ утокъ и голубей.

Скоро открылось обширное море съ плавающими горами льдинъ: въ нихъ кристаллахъ солнечные лучи играютъ призматическими цвѣтами, между-тѣмъ какъ берега и даль одѣты синими туманами. Надъ нами раскинутъ голубой шатеръ неба; вокругъ насъ шумятъ волны; влѣво выказывается Красногорскій Мысъ съ нѣсколькими хижинами.

Къ вечеру подулъ съ сѣвера свѣжій вѣтеръ. Огромнѣйшая зыбь неслась на баркасъ, и волны съ глухимъ гуломъ отпрядали отъ борта.

Завернувшись въ плащъ, я стоялъ на палубѣ у

кормы и прислушивался къ заунывной пѣснѣ рулеваго.

Тучи болѣе и болѣе облегали горизонтъ. Багровое солнце тонуло въ темныхъ громадахъ, подернувшихъ пурпуромъ по оконечностямъ; за ними пылающее небо зажигало на мгновеніе заревомъ отдаленныя льдины.

Уже потемнѣло; только фосфорическія вспышки мерцали на волнахъ, которыя начинали разливаться шире и пѣниться; баркасъ летѣлъ по буграмъ съ полнымъ парусомъ, изрѣдка содрагался и тотчасъ опять мчался еще смѣлѣе; порой слышалось ворчанье льдины, задѣтой имъ на бѣгу.

Мы держались юго-западнаго берега, потому что матросы предсказывали ночную бурю. Скоро, баркасъ, лавируя между мелями, внесся въ Унскую Губу, и мы были внѣ опасности. Парусъ опустился; мы вышли на берегъ въ небольшой слободѣ «Унскомъ Посадѣ», при устьѣ рѣки Уны, впадающей въ эту губу.

Унская Губа углубляется на десять верстъ отъ моря; при соединеніи съ нимъ она похожа на узкой проливъ и потому служитъ естественною гаванью. Здѣсь укрылся Петръ Великій, застигнутый бурею въ поѣздку свою въ Соловецкій монастырь, въ іюнѣ 1692 года.

Съ разсвѣтомъ вышли мы изъ этого пристанища. Море шумѣло еще послѣ бурной ночи. По всему небу развѣвались сѣроватыя тучи; холодный вѣтеръ быстро гналъ баркасъ нашъ по чернымъ валамъ, обрызганнымъ пѣной и усыпаннымъ льдинами. Мы держались берега, на которомъ лежали еще снѣжные сугробы. Четырнадцать верстъ промелькнули скоро, и на берегу завиднѣлись двѣ церкви, а за ними домики села Яренги, расположеннаго по обѣимъ сторонамъ

небольшой рѣчки. Кормчій говорилъ, что здѣсь почиваютъ мощи Іоанна и Логгина, спостниковъ Соловецкихъ, въ построенной во имя ихъ церкви.

Мы всё летѣли далѣе. Берега были отлоги и песчаны, мѣстами блистали болота, окруженныя пустынным лѣсомъ, или появлялись небольшія деревушки. Въ восмнадцати верстахъ отъ Яренги возвышается обнаженная цѣпь «Лѣтнихъ Горъ»; она тянется на десять верстъ и оканчивается при урочищѣ Пановъ Наволокъ. За нимъ выдается Онежскій Носъ, отъ котораго берегъ круто склоняется къ югу. Противъ него, въ семи верстахъ, лежитъ небольшой уединенный островъ, «Сокжинскій», залитый болотами; окружность его не болѣе четырехъ верстъ. На немъ нѣтъ ни какого селенія. Мы должны были огибать его съ сѣверной стороны, гдѣ возвышается маякъ и живутъ лоцманы. Отъ восточной сторопы острова простирается длинная подводная коса, окруженная мелкими каменными островками, которые называются «Бакланами». Зимою сообщеніе острова Сокжинскаго съ берегомъ прерывается; онъ совершенно заносится льдами, такъ, что еще въ лѣтніе жары остается на немъ довольно снѣгу.

Проѣхавъ сорокъ верстъ отсюда на западъ, мы увидѣли возвышенный островъ Анзерскій. Онъ лежитъ почти противъ самаго отверзтія Онежской Губы, которая широко волновалась предъ нами, выходя изъ отдаленныхъ тумановъ юго-востока. Мы пристали къ этому пустынному острову. Все тихо; только шумитъ лѣсъ и кричатъ вороны. Уединенная каменная церковь уныло возвышаетъ главы свои: это Анзерскій Троицкій Скитъ, основанный въ семнадцатомъ вѣкѣ преподобнымъ Елеазаромъ, который удалился на этотъ необитаемый островъ. Въ скоромъ времени переселились сюда другіе иноки,

и Елеазаръ съ ними построилъ деревянную церковь, на мѣстѣ бывшей часовни, а вокругъ нея кельи. Въ 1628 году грамматою Царя Михаила Ѳеодоровича положено быть въ Анзерскомъ Скитѣ двадцати монахамъ; а въ 1651, грамматою Царя Алексѣя Михайловича, число монаховъ уменьшено до семнадцати, и опредѣлено имъ жалованье изъ царской казны въ Архангельскѣ.

У горы Голгоѳа, въ 1715 году, основанъ былъ другой скитъ, Распятской; но кельи его исчезли, осталась одна церковь. Нынѣшняя каменная церковь Анзерскаго Скита построена въ 1744 году иждивеніемъ Императрицы Елисаветы Петровны и вкладами частныхъ людей. Теперь все запустѣло; и только порой пріѣзжаютъ сюда Соловецкіе монахи и отправляютъ литургію.

Въ южной части острова лежитъ обширная естественная гавань, гдѣ, въ случаѣ, и большія суда могутъ быть въ безопасности. На островѣ находится до семидесяти озеръ, изобилующихъ рыбою. Надъ ними носились стаи гавокъ, — знаменитой породы утокъ. Слѣва, въ десяти верстахъ, лежитъ довольно большой островъ, «Муксалмы», а въ двухъ верстахъ отъ него виднѣется Соловецкій Островъ. Мы обогнули южный мысъ его, и проѣхали у западнаго берега между двумя островами Большимъ и Малымъ Заяцкими. Они оба лѣсисты; на большомъ, при сѣверномъ мысѣ, возвышается церковь во имя Андрея Первозваннаго. Монастырское пристанище, на серединѣ котораго лежитъ небольшой островъ, ограждено съ южной стороны длинною каменною косою. Это узкое мѣсто называется «Желѣзными Воротами», потому что во время прилива и отлива вода пробирается здѣсь съ чрезвычайной быстротою и шумомъ.

Парусъ упалъ на палубу, и баркасъ нашъ остановился. Мы, не сходя съ него, любовались на обшир-

ный островъ. Передъ нами возвышался славный Соловецкій монастырь, блестящее перло сѣвера. Гордо красуются круглыя зубчатыя башни твердыни, сложенной изъ огромныхъ нетесаныхъ камней, въ видѣ неправильнаго осьмиугольника. На башняхъ чернѣлись два ряда круглыхъ бойницъ. Крѣпость эта, заложенная въ 1584 году, по указу Царя Ѳеодора Іоанновича, для защиты поморянъ отъ Шведскихъ набѣговъ, вовсе не тронута рукою времени; только мшистые ковры разстелились по этимъ обломамъ горныхъ утесовъ. При гористомъ мѣстоположеніи, монастырь почти неприступенъ.

Яркіе лучи солнца отражались въ металлическихъ главахъ церквей; за ними тянулись высокія горы, отѣненныя лѣсами, между которыми виднѣются прозрачныя озера съ живописными берегами. Трава зеленѣла, и деревья распускались. Картина эта была дика, уныла, но и самая угрюмость эта имѣла особенную прелесть.

Меня прельстили эти уединенныя мѣста. Мы поспѣшили осмотрѣть пейсажи Бѣлаго Моря.

Монастырь расположенъ на перешейкѣ, простирающемся на полторы версты отъ небольшой пристани длинной «Глубокой Губы», вдающейся въ островъ съ восточной стороны. Названіе губы вполнѣ заслужено ею: мы опускали въ нее веревку въ шестьдесятъ восемъ саженъ, — она дна еще не касалась.

Ударили къ вечерни. Унылые аккорды звона разнеслись по тихой окрестности, и смиренные богомольцы потянулись въ храмъ Божій. Отслушавъ вечерню, мы отправились къ одному иноку. Онъ разсказалъ намъ исторію Соловецкаго монастыря.

Этотъ островъ искони былъ извѣстенъ морякамъ, которые здѣсь укрывались отъ бурей: рыболомы жили иногда на немъ для своихъ промысловъ.

Во времена Великаго Князя Василія Васильевича, въ 1429 году, преподобный Савватій, живший сперва въ Бѣлоозерскомъ Кириловѣ монастырѣ, а послѣ въ Валаамскомъ, на островѣ Ладожскаго озера, желая удалиться въ пустыню, отправился на рѣку Выгъ и встрѣтился тамъ съ преподобнымъ Германомъ. Они переѣхали на Соловецкой островъ, и поселились у «Сѣкирной Горы», въ двѣнадцати верстахъ къ сѣверу отъ нынѣшняго монастыря. Здѣсь провели они вмѣстѣ шесть лѣтъ. Наконецъ въ 1435 году Германъ уѣхалъ по своей надобности на рѣку Онегу, и оставилъ преподобнаго Савватія, который, чувствуя приближеніе кончины, переплылъ съ острова въ челнокѣ на югозападный берегъ моря. Тамъ онъ встрѣтилъ игумна Наѳанаила, шедшаго изъ Сорочинской Волости въ Шуерѣцкую для посѣщенія больныхъ. Причащенный имъ Святыхъ Тайнъ, Савватій скончался 29 сентября при устьѣ рѣки Выга, и былъ погребенъ въ часовнѣ возвращавшимся Наѳанаиломъ и купцомъ Иваномъ, который тамъ былъ по торговымъ дѣламъ Новогородскимъ. На этомъ мѣстѣ построена была впослѣдствіи церковь, во имя Живоначальныя Троицы.

Въ 1436 году преподобный Зосима, урожденецъ села Толвуя, находящагося при Онежскомъ Озерѣ, пришелъ на рѣку Суму, ища мѣста для построенія монастыря; встрѣтилъ Германа, и, узнавъ отъ него о Соловецкомъ Островѣ, отправился туда съ нимъ. При помощи нѣсколькихъ братій они построили кельи и деревянную церковь во имя Преображенія Господня, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ монастырь. Вскорѣ былъ поставленъ сюда Іоною, архіепископомъ Новогородскимъ, игуменъ Павелъ; за нимъ Ѳеодосій, Іона, и въ 1452 преподобный Зосима, на шестнадцатомъ году отъ прибытія на этотъ островъ. Во время игуменства его была воздвигнута

большая деревянная церковь и умножилось число иноковъ.

Жители Карельскаго берега пріѣзжали сюда для своихъ промысловъ и, видя распространеніе монастыря, угрожали монахамъ изгнаніемъ изъ острова, который они почитали своей собственностью. Тогда, по прошенію Зосима, архіепископъ Новгородскій Ѳеофилъ далъ ему грамату на вѣчное владѣніе Соловецкимъ и окрестными островами.

Въ 1474 году были перенесены въ монастырь мощи преподобнаго Савватія. Зосима, проживши на островѣ тридцать два года, назначилъ преемникомъ своимъ Арсенія, и скончался въ 1478 году. Онъ погребенъ за алтаремъ церкви Преображенія. За Арсеніемъ слѣдовалъ длинный рядъ игуменовъ.

Въ 1484 году Германъ по монастырской надобности посланъ былъ въ Новгородъ, и на пути умеръ. Мощи его перенесены въ Соловецкій монастырь и погребены подлѣ гроба Савватія.

Въ великомъ посту 1485 года монастырь былъ истребленъ пожаромъ. Его отстроили снова, но въ маѣ 1538 года онъ во второй разъ сгорѣлъ до основанія отъ молніи. Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ обогощалъ его различными дарами. Въ 1546 году посвященъ былъ въ игумны преподобный Филиппъ. Онъ собралъ почти всѣ вещи, привезенныя на островъ основателями монастыря. Во время игуменства его, Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ пожаловалъ во владѣніе монастырю многія волости.

Въ 1558 году, при игумнѣ Филиппѣ заложена здѣсь соборная церковь съ двумя придѣлами Архистратига Михаила и преподобныхъ отецъ Зосимы и Савватія, гдѣ почиваютъ ихъ мощи, перенесенныя сюда въ 1556, августа шестаго. Филиппъ устроилъ

благосостояніе острова и завелъ здѣсь Лапландскихъ оленей.

Въ1566 году, царскимъ указомъ, Филиппъ призванъ былъ въ Москву на митрополію. На его мѣсто поставленъ игумномъ ученикъ его, Паисій. Въ 1568 митрополитъ Филиппъ пришелъ въ немилость Царя, и черезъ два года скончался въ изгнаніи въ Острогскомъ Тверскомъ монастырѣ, гдѣ и былъ погребенъ. Въ 1652, при архимандритѣ Иліѣ, перенесены мощи Святаго Филиппа въ Московскій Успенскій соборъ. Препровождали ихъ Никонъ, митрополитъ Новогородскій, и князь Иванъ Хованскій.

Въ 1578, при игумнѣ Варлаамѣ, Іоаннъ Васильевичъ завелъ въ монастырѣ артиллерію.

Въ 1611, Шведы сдѣлали нападеніе на берегъ острова; но пришедшее изъ Москвы войско отвратило всѣ ихъ замыслы. Это повторилось въ 1658 году, но жители укрылись въ стѣнахъ монастырскихъ.

Скоро дошли до Царя Алексѣя Михайловича слухи о томъ, что Соловецкіе иноки не хотятъ принимать новоисправленныхъ церковныхъ книгъ. Онъ призвалъ въ Москву Соловецкаго архимандрита Варѳоломея съ архимандритомъ Никаноромъ, который прежде былъ царскимъ духовникомъ и переселился туда для уединенія. Посланное съ нимъ прошеніе отъ иноковъ не было принято Государемъ; ихъ отправили назадъ, съ новопостриженнымъ архимандритомъ Іосифомъ для увѣщанія. Соловецкіе иноки, узнавъ это, не впустили ихъ въ монастырь. Варѳоломей и Іосифъ возвратились въ Москву, а Никаноръ принялъ сторону мятежниковъ. Ничто не могло покорить непреклонности иноковъ. Наконецъ изъ Москвы снова былъ отправленъ архимандритъ Іосифъ съ сотней стрѣльцовъ; но ихъ тоже не впустили въ монастырь, въ которомъ было тогда около тысячи пяти сотъ семидесяти человѣкъ.

И какъ стрѣлецкому головѣ поручено было обращать мятежниковъ болѣе угрозами нежели оружіемъ, то онъ напрасно простоялъ здѣсь четыре года. На смѣну присланъ былъ Климъ Іевлевъ съ тысячью стрѣльцовъ и приказаніемъ приступить къ осадѣ монастыря. Онъ отогналъ лошадей и воловъ, отнялъ всѣ орудія для промысловъ и истребилъ внѣ стѣнъ все строеніе. Но и это не имѣло ни какого успѣха. По прошествіи двухъ лѣтъ, былъ присланъ на его мѣсто князь Мещериновъ съ тысячью тремя стами стрѣльцовъ. Лѣтомъ стоялъ онъ подъ монастыремъ, а на зиму переправлялся на берегъ, какъ и его предшественники; но въ третью зиму онъ рѣшился остаться на островѣ, видя, что мятежники въ его отсутствіе запасаются всѣмъ нужнымъ съ другаго берега. По истощеніи всѣхъ просьбъ и угрозъ, 22 января 1676 года онъ взялъ монастырь приступомъ. Многіе иноки были умерщвлены, и многіе сосланы въ Кольскій и Пустозерской остроги. Нѣкоторые прощены Государемъ, и остались для приведенія монастыря въ прежнее состояніе. Для-этого также были присланы сюда архимандритъ Макарій и иноки изъ разныхъ монастырей. Для предупрежденія новаго мятежа, цѣлый годъ стояли на островѣ триста стрѣльцевъ. Въ 1682 году Соловецкій монастырь былъ причисленъ къ учрежденной тогда Холмогорской епархіи.

Іюня 7, 1694, пріѣзжалъ въ монастырь Петръ Великій на яхтѣ, въ сопровожденіи Холмогорскаго епископа Аѳанасія, и уѣхалъ черезъ четыре дня.

Въ 1701, 6 сентября, была сильная гроза. Во время литургіи молнія ударила въ большую главу соборной церкви, пролетѣла сквозь нее, сорвала цѣпь съ креста, опалила иконостасъ, расплавила цѣпи у лампады, задѣла за сопогъ служившаго іеромонаха Маркіана, и исчезла.

Въ слѣдующемъ году, августа 10, Петръ Великій посѣтилъ Соловки вторично. Онъ приплылъ съ сыномъ своимъ, Великимъ Княземъ Алексѣемъ, и со свитой, на тринадцати корабляхъ. Они бросили якори близъ Заяцкаго Острова. Государь, за полчаса до вечера, присталъ къ берегу на ботѣ съ небольшой свитой, и принялъ отъ патріарха благословеніе; келарь встрѣтилъ его съ образомъ, хлѣбомъ и рыбой. Государь помолился въ соборной церкви, прикладывался къ гробницамъ Преподобныхъ Чудотворцевъ, былъ въ ризницѣ и въ оружейной. На ночь Государь возвратился на корабль. На другой день, по отслушаніи литургіи, Петръ Великій ходилъ по всему монастырю и обѣдалъ въ трапезѣ; ночевалъ опять на кораблѣ. Августа 13 онъ не сходилъ съ корабля. На другой день, за часъ до вечера, приказалъ онъ благовѣстить ко всенощной. Самъ Государь пѣлъ на правомъ клиросѣ съ монастырскими пѣвчими. Шестнадцатаго числа утромъ Петръ Великій отсюда удалился. На слѣдующее утро Соловецкій архимандритъ, келарь и нѣсколько монаховъ, отправились на карбасѣ къ кораблямъ, но за противнымъ вѣтромъ принуждены были ночевать на Заяцкомъ Островѣ. На третій день достигли они Государя, благодарили его за посѣщеніе; Петръ Великій наградилъ ихъ, и велѣлъ выдать въ монастырь двѣсти пудовъ пороху изъ Архангельска.

Вотъ очеркъ исторіи Соловецкаго монастыря, почерпнутый изъ хранящейся тамъ лѣтописи. Мы вышли изъ уединеннаго жилища инока. Уже темнѣло; туманы подымались съ окрестныхъ озеръ, на западѣ горѣла еще нѣжная багровая полоса, отражаясь на раскатистыхъ волнахъ моря; изрѣдка скользили по нимъ остроносые баркасы промышленниковъ. На берегахъ было тихо и пустынно; только передъ рыбацкою хижиною слышалась пѣсня сѣдаго старика, ко-

торый развѣшивалъ сѣти на кольяхъ. Въ сторонѣ сверкалъ огонекъ, и на немъ въ черномъ котлѣ кипѣла уха; кругомъ, раскинувшись, шесть рыбаковъ отдыхали послѣ счастливой ловли. У берега стояли три челнока. Эта дикая сѣверная картина насъ восхитила.

За монастыремъ съ восточной стороны открывается обширное «Святое Озеро», съ черноватой водою. Въ полу-верстѣ отъ него лежитъ другое небольшое озеро, окруженное болотами. На восточномъ берегу стоитъ «Филиппова Пустыня», куда уединялся для молитвы Святой Филиппъ, митрополитъ Псковской, въ бытность свою настоятелемъ Соловецкаго монастыря. Отъ сѣверовосточнаго берега «Голубой Губы» тянутся угрюмыя горы, поросшія лѣсами. Между ними находится кругловатое озеро «Исаино», не болѣе версты въ поперечникѣ. Другое небольшое озеро лежитъ вблизи него, къ сѣверу, и еще два къ югу. Подошвы горъ, дикія и болотистыя, отлого спускаются въ глубину водъ, и лѣса съ возвышенностей отражаются въ гладкой ихъ поверхности. Отъ устья «Глубокой Губы» подымается цѣпь горъ, на направленіи отъ сѣверо-востока къ юго-западу; при началѣ ея стоитъ «Гедеонова Пустыня» въ мѣстѣ, чрезвычайно глухомъ и уныломъ.

Наступила ночь; но мы еще гуляли. Передъ нами тянулись утесистые хребты, чернѣлись ущелья и тѣснины. Въ глубокихъ пропастяхъ, прикрытыхъ непроходимыми лѣсами, ревѣли потоки съ однообразнымъ гуломъ низвергаясь изъ разсѣлинъ. Это источники всѣхъ озеръ острова.

Сумракъ густѣлъ, и по его пологу, надъ болотами, начали порхать голубые метеоры. Вдругъ окрестности освѣтились заревомъ блѣднаго пламени. Мы взглянули на небо: оно было чисто, съ нѣсколькими

купами блестящихъ звѣздъ; но на сѣверѣ вспыхивало золотое пламя. Вотъ оно превратилось въ два столба; столбы ростутъ, румянятся.... Это было сѣверное сіяніе. Мы поспѣшили на берегъ. Здѣсь царствовало спокойствіе; только робкіе всплески журчали, вбѣгая на песокъ и пробираясь между кустами. Пурпуровые исполинскіе столбы приближались одинъ къ другому и расходились. Вотъ свернулись они въ клубы, заискрились, и раскинулись по всему небу золотымъ полукружіемъ, и оно заблистало милліонами мелкихъ огней. Мелькнула красная искра, — за ней посыпались другія, — и весь огромный полувѣнокъ разостлался въ длинныя пламенныя полосы. Окружное небо мерцало то золотымъ, то пурпурнымъ, то розовымъ, отблесками, и дальнія звѣзды поглощались этимъ чистымъ пламенемъ. Сіяніе великолѣпно играло въ тихихъ водахъ. Ни какое перо не передастъ чудесной прелести этого зрѣлища, которое здѣсь обыкновенно.

Долго смотрѣли мы на это удивительное видѣніе. Сіяніе ясно освѣщало островъ. Море горѣло разноцвѣтными блестками отсвѣтовъ, и плававшіе на немъ дальніе льды при каждомъ движеніи своемъ воспламенялись искрами, пурпуровыми и золотыми.

Съ непостижимой быстротою пламень этотъ перемѣнялъ свои прихотливыя формы; ни одно облачко не затѣняло небеснаго свода, и онъ свободно купался въ эѳирѣ. Огненные порывы уже слабѣли и развертывались блѣдными радугами. Границы ихъ исчезали въ лазури. Они умирали, и порой, только намигъ, вспыхивая. Мгновенье, — и все погасло. Осталось, по-прежнему, темно-голубое небо, изрисованное фантастическими узорами созвѣздій. Мы ослѣпли; глаза наши, привыкшіе къ этому электрическому свѣту, вдругъ очутились въ темнотѣ, и мы

не могли сначала разсмотрѣть дороги. Когда мы возвратились въ монастырь, все давно уже покоилось, только въ одной кельѣ теплилась мерцающая лампада. Утромъ мы были въ монастырскомъ арсеналѣ, построенномъ въ 1602 году близъ церкви Николая Чудотворца. Верхняя палата наполнена множествомъ старинаго оружія, – саблями, палашами, бердышами, дротиками, стрѣлами. Здѣсь находятся также разныя огнестрѣльныя оружія, особенно много ружей съ фитилями; между ними есть нѣсколько рѣдкостей. Нижняя палата занята чрезвычайно богатой ризницей: тутъ хранятся около двѣнадцати ризъ, унизанныхъ жемчугомъ; нѣкоторыя изъ архимандритскихъ ризъ, также украшенныхъ, пожалованы были монастырю въ 1551 году Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ. Вообще большая часть драгоцѣнной церковной утвари подарена Русскими Государями.

Этотъ день предназначали мы для обозрѣнія острова.

Къ сѣверу отъ монастыря представляется перспектива «Исакіевской дороги», на которой, у небольшаго озера, расположены монастырскія бани и кожевенный заводъ. Отъ него въ двухъ слишкомъ верстахъ, гдѣ находятся два колодца, «Зосимиинъ» и «Германовъ», выкопанные основателями монастыря, дорога эта начинаетъ на пять верстъ уклоняться отъ берега, который въ этомъ мѣстѣ полукружіемъ выдается въ море. Мы прошли еще шесть верстъ: тутъ дорога кончается, и лежатъ разбросанныя хижины красивой деревушки «Исакіевой», на берегу обширнаго озера. Челноки скользили по свѣтлымъ волнамъ, и рыбаки дѣятельно закидывали сѣти. Они всегда доставляютъ монастырю рыбу отсюда, потому что только въ этомъ озерѣ она находится во всякое время года; въ другихъ ловъ бываетъ въ извѣстную пору.

На западномъ берегу озера находится огромная «Сѣкирная Гора», пирамидальный гранитъ, котораго вер-

шины господствуютъ надъ всѣми окрестными высотами. Съ трудомъ взобрались мы на нее; но это вознаградилось прекраснымъ ландшафтомъ, который оттуда открылся нашему взору. Мы взглянули въ ущелья и пропасти дикихъ и угрюмыхъ мѣстъ: эти сѣрыя громады, набросанныя рукою холодной природы, порознь были безобразны, но въ совокупности составляютъ гармоническую и живописную декорацію. Кругомъ широко волновалось Бѣлое Море, котораго границы тонули въ туманѣ отдаленности. Внизу свѣтлѣютъ озера, окруженныя горами. На пустынныхъ берегахъ мѣстами видны рыбачьи хижины. На западѣ открывается небольшое озеро, соединенное протоками съ моремъ; надъ нимъ возвышается «Волчья Гора»: она не многимъ ниже Сѣкирной и чрезвычайно живописна. Около этой горы мѣстоположеніе низменно и безплодно; лѣса рѣдкіе, но непроходимые даже для охотника; разбитыя, кривыя, деревья преграждаютъ путь къ «Черному Озеру», и на югъ отъ озера растилается обширное болото. Далѣе мелькаетъ еще нѣсколько озеръ, окруженныхъ лѣсомъ; всѣ они неприступны и почти всегда покрыты туманомъ.

Мы пустились отъ Исакіевской дороги на востокъ: здѣсь взоръ нашъ отдохнулъ на массахъ горъ и утесовъ, убранныхъ елями. Долины испещрены прозрачными озерами; озера окаймлены красивыми берегами; повсюду тянутся горныя цѣпи, окруженныя синѣющимися лѣсами. Мы взобрались на высокой обрывъ, чтобъ лучше осмотрѣть окрестности. Вблизи него шумѣлъ густой лѣсъ; вправо свѣтлѣло «Бѣлое Озеро», величайшее на всемъ островѣ: оно усыпано множествомъ островковъ. Далѣе являются «Гремячія Горы», которыхъ вершины покрыты широкими вѣтвями деревъ. Куда ни обратится взоръ, вездѣ запустѣнье, вездѣ горы, между которыми долины подобны глубокимъ

стремнинамъ. Каменные обрывы нависли надъ пропастями и, кажется, поминутно готовы упасть въ нихъ, между-тѣмъ какъ они противятся всѣмъ бурямъ сѣвера. Одна голая вершина выказывается изъ-за деревъ пирамидальнымъ гранитомъ: за ней подымается огромный пикъ, полу-обожженный молніей и покрытый мхомъ; далѣе, повергнуты одна на другую двѣ скалы, и по нимъ стелятся съ сосѣдняго обрыва вѣтвистыя сосны. Казалось, человѣкъ никогда не проникалъ въ дремучіе лѣса этого суроваго края. И спять повсюду волнуются озера, и изрѣдка попадаются небольшія деревушки или рыбачьи хижины.

На берегу «Сосновой Губы», вдавшейся въ островъ съ сѣверозападной стороны, стоитъ древнее запустѣлое строеніе, принадлежавшее монастырю. Недалеко отъ него находятся «Ѳерапонтовы Озера», изобилующія рыбой и окруженныя красивыми холмами, гдѣ разрастается лѣсъ.

Мы вышли на «Ребольдскую дорогу», проложенную также отъ самого монастыря. Она простирается къ сѣверному берегу «Глубокой Губы» до урочища «Филиппова»; отсюда она идетъ по сѣверо-восточному берегу до урочища «Реболды», а тамъ уже переправляются на Анзерской островъ По.

По этой дорогѣ возвратились мы въ монастырь, и провели вечеръ въ бесѣдѣ съ однимъ отставнымъ маіоромъ, который пріѣхалъ сюда по набожности и по любопытству.

На другой день сѣли мы на баркасъ, въ намѣреніи окружить Соловецкій Островъ, для обозрѣнія разнообразныхъ береговъ его. Погода была тихая; небо ясное, и солнце сіяло уже довольно высоко. Легкая зыбь несла насъ около южнаго берега острова: онъ песчанъ, отлогъ и довольно живописенъ. Обогнувъ его, мы по-

неслись къ сѣверу: здѣсь онъ становится низменнѣе и болотистѣе. Отъ «Глубокой Губы» начинаются неприступные лѣса, и горы и берега все понижаются, однако отъ Реболды до «Сосновой Губы» сухи; далѣе, отъ «Конева Острова», лежащаго близъ этой губы, до сѣверозападнаго берега, мѣста чрезвычайно наги и болотисты, но самый мысъ сухъ и живописенъ. Отъ него, по пріятному берегу, раскидывается роща, въ которой мѣстами высятся сосны, тогда едва еще зеленѣвшія. Островки, лежащіе вблизи береговъ, почти всѣ безлѣсны. До «Парнасскаго Мыса» мѣстоположеніе низменно, но далѣе начинаются мѣста оживленныя, убранныя природой, и продолжаются до самого монастыря.

Баркасъ нашъ внесся въ пристанище, и мы поспѣшили къ нашему знакомцу. Съ нимъ отправились мы гулять къ устью «Глубокой Губы». Менѣе чѣмъ въ верстѣ отъ нея, красуется озеро съ отлогими берегами, по которымъ съ сѣвера и запада разбѣгались высокіе холмы, и между ними въ каменистыхъ ложбинахъ шумятъ вьющіеся ручьи и протоки. Окрестность покрыта лугами и небольшими лѣсами. Справа, за двумя небольшими озерками, находится «Круглое Озеро» между веселыми холмами, такъ пріятными и рѣдкими въ этой странѣ. Лѣсныя птички тихо щебетали, кружась надъ озеромъ и луговинами.

Далѣе, въ серединѣ хребта, виднѣется еще озеро, также съ живописнымъ видомъ. Надъ нимъ возвышается огромная гора съ утесомъ. По уступамъ террасы ея цѣпляются вѣковыя деревья, навислыя надъ тѣснинами и надъ озеромъ. Кругомъ открывается обширная равнина, зеленѣющая молодымъ мхомъ; и на ней мѣстами колыхаются одинокія березы или играютъ озера. На этой равнинѣ, близъ западнаго морскаго берега, лежитъ и «Леонидово Озеро», окруженное

шестью небольшими озерами, которыхъ окрестности покрыты лѣсами. И вездѣ холмы, вездѣ озера, – иные живописные, веселые, – другіе, напротивъ, дикіе, мрачные.

День примѣтно клонился къ вечеру. Надъ озерами дымился тонкій паръ, позолоченный послѣдними лучами солнца, опускавшагося къ горизонту. Соловецкій островъ рѣшительно облитъ былъ огнистымъ заревомъ.

Наконецъ мы оставили эту уединенную обитель, посѣщаемую столь многими богомольцами. Баркасъ нашъ расправилъ паруса, и покатился вдоль южнаго берега; вотъ онъ обогнулъ Анзеры, встрепенулся, и полетѣлъ въ открытое море, будто птичка, выпущенная на свободу. Я стоялъ на палубѣ. Косвенные лучи заходящаго солнца свѣтились въ волнахъ и умирали на стѣнахъ монастырскихъ. Скоро, тихая, ясная ночь одѣла мракомъ землю, море и небо, и они слились въ одно; только на западѣ раздѣлялись еще нѣсколько времени длинной малиновой лентой. Но вотъ и она побѣднѣла, угасла. Засверкали звѣзды, серебряный мѣсяцъ отражался въ морѣ своей зыбкой струею блестокъ, гнавшеюся за судномъ; струи убаюкали меня своимъ ропотомъ, и пестрыя сновидѣнья на минуту прельстили мое воображенье.

Я очнулся. Утренняя звѣзда свѣтилась уже на сѣверѣ; восточный небосклонъ свѣтлѣлъ, туманы серебрились и подымались легкими облаками, и вдругъ они вспыхнули, будто розовыми отпрысками пролитаго на огонь масла. Яркій пурпуръ зажегъ границы горизонта, посыпались золотыя искры, и выплыло огромное солнце.

Скоро завиднѣлись рѣдкіе льды, несущіеся изъ Двины: они какъ лебеди расплывались по морю. На ближнихъ берегахъ пылали огни рыбаковъ, блѣдные, и

замѣтные при наступающемъ утрѣ только по вьющемуся дыму. Мы въ Архангельскѣ.

Въ то время послѣдніе льды исчезли на Двинѣ, и она быстро катила волны свои въ море. Флотиліи карбасовъ выплывали на морскіе промыслы. Отвсюду пригоняли сюда плоты и разныя суда. Съ весной закипѣла торговля.

На другой день вечеромъ мы уже ѣхали на почтовыхъ къ Онежскому Озеру.

ВЛАДИМІРЪ ЯКОВЛЕВЪ.